

Андрей Битов

Первый текст

Часть сборника
*Трава была зеленее, или
Писатели о своем детстве*

Андрей Битов

Первый текст

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Битов А. Г.

Первый текст / А. Г. Битов — «Эксмо», 2016

«Кто бы ни был человек, даже Пушкин, первым текстом его будет «Детство», даже если и не написано. У Пушкина детство как бы слабенькое, будто его и не было. Зато на всю жизнь...»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Битов А. Г., 2016
© Эксмо, 2016

Андрей Битов

Первый текст

Кто бы ни был человек, даже Пушкин, первым текстом его будет «Детство», даже если и не написано. У Пушкина детство как бы слабенькое, будто его и не было. Зато на всю жизнь.

29 ЯНВАРЯ 1837

Сюртук мальчика
С модной вытачкой,
Тоньше пальчика
В фалде дырочка.

В эту дырочку
Мы глядим на свет —
Нам на выручку
Кто идет иль нет?

Жил один Сверчок...
Господи, прости!
Наступил молчок
На всея Руси.

Экстрим манит молодость. Дуэль – экстремальный спорт золотого века. Не дорога победа – дорого участие. Призом являлась честь.

Нет, недаром советские октябрята носили значок младенца Пушкина на груди (не отличить от младенца Ленина).

...С какого момента мы себя помним?

Толстой помнит себя с восьми месяцев, на то он и Толстой.

Я помню себя поздновато, с четырех лет. В этом диапазоне помнят себя все остальные люди.

Одно точно – не сначала.

Скорее всего, люди помнят себя уже говорящими. Может быть даже, они себя начинают помнить еще позже, с тех пор как впервые употребят слово «я».

Я наблюдал этот перелом лишь однажды, однако с уверенностью полагаю его общим. Уже с легкостью складывая подступивший к нему мир в предложения, ребенок поначалу говорит о себе в третьем лице как о герое этого сна жизни. (Соображение, которое можно было бы отнести к природе прозы...) Именно так мы себе часто снимся – в третьем лице, – возможно, это тоже тень изначальности, до грехопадения, до Я. Возможно, Адам и Ева думали о себе в третьем лице и в более зрелом возрасте, отличая себя друг от друга лишь по роду местоимения, хотя еще и не по полу. (Любопытно, что Я – бесполо.)

Так вот, я хорошо запомнил, с каким испуганным недоумением, с каким противоестественным усилием, с каким потрясением, как бы с чувством невозобновимой утраты, ребенок разлепил губы для первого Я. У меня

есть подозрение, равное ни на чем не обоснованной уверенности, что именно с этого момента начинается то, «что мы помним». С этим можно соглашаться или нет, это не мешает дальнейшему рассуждению.

Важно, что «мы себя помним» позже, чем живем, чем, возможно даже, говорим. Важно, что за пределами наших, дисциплинированных выраженностью словом и повторностью, воспоминаний остается первый, возможно важнейший, слой впечатлений от бытия. Важно и то, что именно в этом беспмятном времени мы и обучились человеческой речи. И что еще замечательно, что это, при всех усилиях педагогов, вне области педагогики.

Педагог не способен обучить младенца речи в той же степени, как и рыбу. Младенец учится речи сам. Лишь слыша ее. Все те законы речи, до которых и в малой степени не дошла наука, открыты младенцу с рождения и вновь закрыты с момента овладения речью. Эти поразительные способности младенца в филологии неоднократно отмечены. И здесь меня посещает предположение, безусловно, частное по отношению к безмерности и удивительности явления, но все-таки и не лишнее истины, что мир созвучий, рифм, аллитераций первым приходит к нам. Когда младенец своим великим ушком прислушивается к стертому шелесту взрослой бытовой речи.

(«В поисках утраченного Я», 1998)

Детство – ладно. С отрочеством и юностью еще сложнее: это настолько эпоха становления, что все смазано.

Я нашел тут старую фотографию. Мне 13 лет. Сталин еще живой. 50-й год, ровно середина века. Еще жив Платонов, я про такого и не слышал. И тут я – годовалый пушкинист.

В 1949 году мне пришлось столкнуться с Пушкиным более-менее всерьез, потому что праздновали его 150-летний юбилей. И одновременно – 70 лет Сталину. Эти юбилеи уравнивались в значении. По-моему, вождю льстило, что он так близок к Пушкину. Мне поручили сделать доклад, и я впервые более-менее осилил Пушкинское собрание сочинений, пропуская все, что теперь меня занимает, то, что было еще недоступно моему уму тогда.

Пушкин настолько вошел в наше сознание как гений и «наше все», что невозможно представить себе его ребенком. Да и был ли он ребенком?

Судя по всему, все же был.

По-моему, любой человек либо плохо помнит, либо не помнит вообще своего детства, мифологизирует его. Во всяком случае, чем больше мы думаем о Пушкине, тем меньше о нем знаем, тем плотнее мы «закапываем» истинное представление о нем.

Любая достоверность, в конце концов, разрушается.

Мы очень многое помним о себе по рассказам родителей. Пушкину тоже что-то рассказывали, а что-то он придумывал сам, что-то перерабатывал. Пушкин – большой мифотворец.

Даже Юрий Тынянов, которому замечательно удавалось совместить в себе прозаика и ученого, так что одно все время питало другое, даже он, пытаясь составить биографию Пушкина, составил первый том – «Детство» – и вдруг бросил. Потому что у него не получилось.

Я свое детство помню только благодаря тому, что первым моим воспоминанием стал первый день войны.

А потом – отец.

Не знаю, как там у Фрейда, но отец для сына есть секрет настолько раздражающий, что не хочется и разгадывать.

Мой отец был архитектор и строил мне Большой Секрет. Разрозненные довоенные и даже дореволюционные кубики, обрезки досочек и фанерок, коробки из-под довоенных же конфет... Неутоленные Корбюзье и Райт вполне воплощались в его постройке. Я не должен был подсматривать, я терпеливо ждал. Наконец...

Дворец был как вавилонский торт, выставленный в витрине Елисеевского магазина в 1945 году в качестве победы над фашизмом. Я начинал с верхушки. Суть игры была в том, чтобы разобрать, а не разрушить.

Я начинал.

Мне открывалась первая, башенная, комнатка. Что там? Там мог быть и безногий оловянный солдатик в форме РККА, и сшитый мамой в войну тряпичный зайчик, и кое-что поволшебнее, вроде такой машинки, похожей на перочинный ножичек, но не ножичек, с раструбом, как у мясорубки, но, когда нажмешь на нижнее колечко, выскочит блестящее металлическое коленце, и вся штука станет похожей на кузнечика... Щипчики для сигар! Осторожно, чтобы не посыпалось, я открываю следующую нишу... Отец мне рассказывал в это время что-то достаточно мало меня занимавшее – про то, как один человек зашел в древнеегипетскую пирамиду и лишь одну секунду все перед ним было таким же целым, как и тыщи лет назад, а потом все рассыпалось, все мумии и фрески... Может, он мне рассказывал и про Шлимана, и про Трою... Я до сих пор путаю Шлимана с Жиллетом, потому что в следующей секретной комнате, куда со свистом врывался воздух, как в гробницу фараона, не рассыпалась половинка бритвенного станка фирмы «Жиллет», который, как поведал мне тут же отец, стал сразу миллионером, как запатентовал дырки в бритве, и никто, кроме него, не мог просверлить их так же... В парикмахерской я думаю о Древнем Египте. Мол, жили-были и тоже, поди, причесывались, оттого и осталось от них так много гребенок, пол-Эрмитажа...

Мой бедный папа строил мне дворец. Материал был подручный: то, что осталось. От революции, от блокады... В нашем доме ничего не покупалось и не выбрасывалось. Все было обменено на еду или сгорело в буржуйке. Замечательные находил я вещи за разборкой отцовского мавзолея! С тщанием доставал я из следующей ниши волшебные щипчики, колечки, палочки-печати, стеклянные радужные шарики, медную чернильницу с иероглифом, серебряную монетку в пять эре 1864 года, пуговицу с двуглавым орлом, кораллового поросенка с серебряным ушком, японского божка... граненую пробочку неопишуемой красоты... от исчезнувших сигар, салфеток, писем зарубежных родственников, мундиров, часов, духов и графинов...

Вот мне уже и трудно отделить то, что я помню, от того, что знаю... то, что забыл, от того, что узнал. Утоляю ностальгию на берлинском фломарте. Мой бедный отец всегда подскажет мне, что здесь есть хорошего... Мог ли я, мог ли он предположить, какой прочный он строил дворец! Что это он учил меня ходить по музеям и читать романы, как рисовать и писать?..

Я – гробница своего отца.

От моего отца ничего не осталось.

(«Реалии рая», 1993)

Отца у Пушкина, кроме предков из свиты Годунова, как бы и не было. Дядя Василий Львович точно был. Подлинного о детстве Пушкина мы знаем немного. И особенно это затерто как раз признанием его. Чересчур любопытные исследователи все больше погружаются в то, чем он никогда и не собирался делиться. К тому же это все потом кончается изучением Натальи Николаевны, Дантеса... но не Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.